

«ТЫ НЕ ПЛАЧЬ ОБО МНЕ, ОТЕЧЕСТВО...»

(О Сергее Белозёрове и нашем поколении)

1.

Мне уже давно хотелось написать о поэте Сергее Белозёрове, человеке с трудной необычной судьбой, и, как я ощущал всегда, а теперь и тем более, мне вовсе не чужом: потому что, чем старше я становлюсь, тем всё больше и больше верю в некое поэтическое братство, в особое духовное родство всех поэтов. Думаю, что реально существует общее энергетическое поле Поэзии, включающее в себя не только поэтов настоящих, наших современников, но и тех, что жили до нас, в прошлом, и тех, что будут после нас...

Написать хотелось, и порой, вглядываясь в себя, без чего, понятно, невозможно никакое творчество, я интуитивно наталкивался на это желание, но всегда не хватало какого-то решительного действия, важной внешней причины. Приказа Свыше, что ли?

И вот наконец всё сошлось: после недавней публикации подборки стихов Сергея в журнале «Новый мир», где по крайней мере одно из этих стихотворений, на мой взгляд, настоящий шедевр, я, прочитав её, вдруг остро почувствовал: отступить некуда — время пришло.

Пришло ещё и потому, что этот год — и для меня совершенно особенный и неповторимый: год пятидесятилетия моего литературного творчества. А из этих 50-ти лет — не знаю, сколько точно, но точно несколько десятилетий, мы «творили», как говорится, бок о бок: в одном городе, на одном литературном пространстве.

Всё ведь и было так, как я написал в одном своём стихотворении:

...Вместе мы рвались в Поэзию,
Пацаны послевоенные...

Но всё-таки сначала — сразу, дабы не вводить читателя в заблуждение — давайте расставим все точки над и: мы никогда не были друзьями с Сергеем, в обычном житейском понимании этого. И даже познакомились лично уже только в конце его недолгой жизни. Поэтому перед вами записки не наших личных отношений, их-то, можно сказать, практически не было. Это просто

воспоминания и размышления его литературного коллеги, если, разумеется, по отношению к поэзии вообще возможно применить термин «коллега».

Более того, и в поэзию мы шли каждый по-своему: если уж не разными, то достаточно сильно различающимися друг от друга дорогами.

Но тем не менее сегодня мне кажется: может быть, потому что у Сергея Белозёрова и у меня в поэзии были общие учителя, а сами мы из одного поэтического поколения и практически ровесники, и, кроме того, живя в одном городе, мы регулярно печатались в одних и тех же изданиях (областных газетах) — наши музы уважали друг друга, внимательно и ревностно наблюдая за творческим ростом каждого из нас.

...А мы последнее потратили
на книжки, сборнички стихов,
чтоб к нам пришли преподаватели
Самойлов, Слуцкий, Смеляков...

Да, такие вот «преподаватели» были у него. И у меня тоже. Но у меня ещё и Старшинов, и Викулов, и Николаев... Не просто поэты, а поэты-фронтовики! Да разве только у нас — думаю, что у большинства наших ровесников, поэтов, чьё рождение освещено сиянием победных знамён.

Так не отсюда ли пришло к моему поколению понимание главного в жизни, выраженное, как тогда говорилось, в программных строках Сергея Белозёрова:

... Слышать бы только диктовку Отечества,
Категорический императив.

2.

Поэтому писать о Сергее Белозёрове — это значит писать о моём послевоенном поколении, поэтическое становление которого по ряду причин было долгим и, отчасти в силу этой вынужденной неспешности и неторопливости, весьма серьёзным и основательным — и пришлось на шестидесятые, семидесятые и даже восьмидесятые годы прошлого века.

И это ещё значит: писать о поколении, не избалованном, как сегодняшнее, возможностью публикаций в неисчислимых альманахах, журналах, коллективных сборниках или уж (на худой конец, если больше нигде) в Интернете.

Нет, не было у нас тогда в области (практически до самых 90-х годов прошлого века) ни журналов, ни альманахов, а об Интернете мы в то время и

слухом не слыхивали. Ну, а до Москвы, до всесоюзных изданий, поди-ка попробуй, дотянись! Редко это кому-либо удавалось. Поэтому даже попасть в коллективный сборник, разумеется, государственного издательства (а иных и не было) — в эту, как их тогда в шутку называли, «братскую могилу» — считалось большой и одновременно редкостной удачей...

Кто же мы, молодые поэты периода позднего Советского Союза? Мы — дети газет, в основном тоже молодёжных: их литературных рубрик, полос, страниц, а потом и литературных приложений.

Мы — дети «Каравеллы», «Мастерской», а потом, уже позднее, «Цеха поэтов», и (такого же объёма, как сама газета!) четырёхстраничного литературного приложения к «Молодому коммунару». Приложения — с и сегодня постоянно востребованным и, наверное, потому-то теперь уже отчасти затёртым названием — «На Земле Яснополянской».

Это они, газеты, печатали наши первые, часто ещё не слишком совершенные стихи, авансируя тем самым нашу будущую поэтическую судьбу. И это они потом печатали первые, чаще снисходительные (но порой и поучительно разгромные!), рецензии на наши также первые, выстраданные годами жизни, работы и, разумеется, поэтической учёбы и самообразования, книжечки.

А чаще снисходительные рецензии — уже хотя бы потому, что их чаще всего писали живущие той же жизнью, что и поэты, энтузиасты-критики, прекрасно понимавшие, что эта первая тоненькая поэтическая книжечка обычно 35-летнего тире 40-летнего «молодого» поэта — скорее всего оплачена столь непростой жизнью и судьбой, что одно лишь это требует к ней уважения и трепетного подхода.

И ещё понимавшие самое главное: что оно — это, уместяющееся на ладошке, тоненькое, в черно-белом, скромнее некуда, оформлении (как, например, у Белозёрова), сокровище автора, — очень даже может (что собственно случалось не однажды) так и остаться единственной его книгой. И больше не иметь продолжения.

Я знаю, что такие жёсткие обстоятельства нашего поэтического становления в условиях «развитого социализма» могут весьма трудно укладываться в самонадеянных головках современной поэтической поросли. Из которой некоторые (или многие — кто это считал?) уже к 30-ти годам имеют в своём литературном багаже несколько, или даже десяток, а то и два десятка, поэтических книг и море публикаций. Но факты — вещь упрямая.

И вот вам факт: у моего ровесника, замечательного поэта, а потом, в конце восьмидесятых годов прошлого века, ещё и наставника тульской поэтической молодёжи, руководителя литературного объединения «Мастерская», Сергея Алексеевича Белозёрова — вышла всего **одна** небольшая книжечка. В

мягкой, очень скромно и строго оформленной обложке. Никакого переплёта, даже самого дешёвого — клеёного, как сегодня. Вместо переплёта — две скрепки. Так теперь обычно выглядит самый примитивный самиздат.

Объём книжки — два с небольшим печатных листа, а если кому это непонятно, скажу просто: в книжке на 71-ой странице 57 стихотворений. Никакого предисловия, хотя чаще всего первые книжки бывали с предисловиями (обычная практика в то время) известных в области, а ещё лучше, если в России и всём СССР, поэтов. И уж тем более никакого послесловия. Лишь на самой последней 72-ой странице — издательская аннотация. Вот она:

«Яркость мысли, точность образа, предельная искренность — вот три кита, на которых держится поэзия Сергея Белозёрова. Более двадцати лет он пишет стихи, но только сегодня они выходят отдельной книгой. Впрочем, многие стихотворения были напечатаны в центральных журналах и встретили доброжелательную оценку читателей.»

Ах как хочется редактору выдать желаемое за действительное — и хотя бы так исправить абсолютно ненормальную, просто вопиющую, но, увы, весьма частую в наше время ситуацию! Ну насчёт благожелательной оценки читателей — кто бы сомневался? Только где же, в каких это центральных журналах, до 1989 года напечатаны стихи Сергея Белозёрова?

Вот что пишет об этом Андрей Коровин в статье о Сергее, предваряющей недавнюю публикацию подборки Белозёрова в журнале «Сибирские огни» (№11 за 2009 год): «Из крупных публикаций — «Сибирские огни» времён его армейской службы в Сибири (*читай: ещё в 60-х годах. В.С.*), затем «Нева» — в 1986-м...». То есть, обе состоявшиеся публикации — не в центральных, то бишь московских журналах, а в журналах лишь местных, периферийных. Практически областных. Да и возможно ли было опубликовать в них **многие** стихи из вошедших в книгу? Нет, конечно...

Итак, за всю жизнь всего одна книжечка — но почему-то, когда пишу это, называть её хочется не книжечкой, а книгой, как, например, и единственную прижизненную книгу выдающегося русского поэта Дмитрия Кедрина, состоящую всего лишь из 16-ти стихотворений. Книга Сергея Белозёрова «Словарь далее». Книга Поэта. Редко о ком, читая их первые книги, хочется говорить сегодня так — с большой буквы.

Это, разумеется, не значит, что в ней, в его книге, всё одинаково блестяще. Так не бывает ни с первыми, ни с другими книгами. Так не бывает даже с книгами «Избранного». Но есть, если можно так выразиться, общий уровень, отличающий настоящего поэта (с несомненной перспективой роста) от поэта среднего, и уж, тем более, от поэта-графомана...

3.

Когда я впервые прочитал эту книгу Сергея, удивился её названию. Ясно, что он в названии «обыграл» известный всем, и не только литераторам, словарь Даля. Но не придумал же он специально такое название для книги: это было бы уж как-то слишком искусственно — и казалось мне неправдоподобным. В названиях книг не бывает ничего случайного: обычно поэты дают им названия, отталкиваясь от какого-то важного для них стихотворения. Здесь же, в книге, стихов с таким названием я не нашёл, и это меня, скажу честно, удивило, даже отчасти насторожило: неужели я всё-таки плохо разбираюсь в творческом характере Сергея. По тематике его стихов я чувствовал, что такое название без важного на то основания для Сергея Белозёрова всё-таки несколько вычурно.

До сих пор помню, как я радовался, даже гордился своей интуицией, когда потом, гораздо позднее, в одной из опубликованных подборок Сергея Белозёрова обнаружил стихотворение с названием «Словарь далее». Значит, было такое стихотворение, было! И рукопись его, которую он представлял в издательство, называлась именно так — и она не случайно носила это название! Но, очевидно, в результате редакционной подготовки по каким-то причинам стихотворение «Словарь далее» не вошло в его книжку. А название рукописи, тем не менее, перешло на книгу.

Я сам не раз проходил чистилище редподготовки и знаю, что в процессе её бывает всякое: некоторые, а порой и многие (это кому как повезёт) стихи дорабатываются, сокращаются, а то и выбрасываются вообще. Когда из-за несоответствия качеству (в понимании его редактором), а когда и просто из-за небольшого, запланированного издательством заранее, объёма книги. Поэтому и здесь могло быть что-то подобное.

Но чтобы выбрасывать стихотворение, дающее название книге, да ещё, как я потом смог убедиться, вполне хорошее стихотворение? Для этого, мне кажется, всегда нужны важные причины и веские доводы. И это вряд ли в случае с Сергеем Белозёровым было простой случайностью: вероятно, стихи эти издателям не понравилось потому, что напоминали им, и могли напомнить власть предержащим, о суровой сибирской биографии лишь недавно вернувшегося из ссылки поэта...

4.

Но я уже даже не о книге — её нужно просто читать и прочитать. Я о том, как всё начиналось с наших публикаций в «Молодом коммунаре», где Сергей

Белозёров довольно долго работал журналистом. И где он был, как говорили потом, «вечным замом».

Почему так — не знаю. Пусть об этом напишут его коллеги-журналисты. Я же тогда в силу своей инженерной профессии, хоть и работал рядом с их журналистской высоткой, что на улице Энгельса, но, тем не менее, существовал как бы в другом мире: в мире ЭВМ (электронно-вычислительных машин), программирования, математических расчётов для научных работ, хоздоговоров и диссертаций, студенческих лабораторок, курсовых и дипломов.

И поэтому, находясь весьма далёко от их тесного журналистского круга, я не мог быть свидетелем большинства событий внутренней жизни этого круга: меня чаще всего обходили стороной все их новости, сплетни, интриги. Я просто приносил свои стихи в «Молодой коммунар» и отдавал — либо редактору, либо, чаще всего, просто в литературный отдел. И, верите, ни разу там, в «Молодом коммунаре», не встретил Сергея. Ни разу.

Зато наши стихи довольно часто встречались на страницах газеты. И я не знаю, как мои стихи — ему, а его — мне почти всегда нравились. Они обращали на себя моё внимание яркой образностью и классической строгостью, за которыми — а это, как мне кажется, главное — чувствовалась суровая школа судьбы. Что бы теперь ни говорили, нас, молодых поэтов, всерьёз подающих надежды, было в то время в области не так уж много (да когда их собственно бывает много?), и мы, в основном, хорошо знали друг друга: по совместным совещаниям, литобъединениям, выступлениям перед читателями. А если же случались редкие исключения, как вот у меня с Сергеем: и мы, увы, никогда не участвовали в общих литературных мероприятиях — то всё равно, внимательно следя за достижениями друг друга, мы хорошо знали творчество и даже чувствовали поэтический стиль друг друга.

Вот вам пример: когда однажды стихи Сергея исчезли с газетной полосы, но зато вдруг в «Молодом коммунаре» появилась стихотворная подборка нового, незнакомого мне автора, поэтический почерк которого напомнил мне почерк Сергея, я сразу обратил на это внимание. И, конечно, запомнил стихи. Одно из стихотворений подборки называлось, кажется, «Дорога на Могилёв».

И вот гораздо позднее, когда я прочитал книгу Белозёрова «Словарь далее», я нашёл там эти запомнившиеся мне стихи, но уже без привычного названия (стихотворение «И неприятно, и хмуро...»). И, конечно, сразу догадался, что тот новый автор и был Сергей Белозёров, но под псевдонимом. Потому что печатать его под своей фамилией — скорее всего, по причине каких-то очередных конфликтов с властями, конфликтов, как говорят, ставших потом одной из причин его ссылки в Сибирь — видимо, было нельзя. Однако уважали

— и печатали! Несмотря на вполне реальный и непредсказуемый карьерный риск и для тех, кто печатал...

5.

Перед выходом в 1989-ом году первой книги Сергея Белозёрова был, понятно, 1988-ой год — и самое крупное по количеству участников областное Собрание молодых литераторов, которым руководили вместе с нашими тульскими писателями и гости-москвичи: поэт-фронтовик Николай Старшинов, поэт Николай Дмитриев и критик Владимир Коробов. В своих воспоминаниях о поэте Николае Дмитриеве «И люблю я тебя одиноко...» я уже рассказывал об этом замечательном Собрании. (см. сайт «Земляки. Дорога домой», страница Николая Дмитриева <http://www.ya-zemlyak.ru/poesia.asp>).

На этом Собрании я встречал и Сергея Белозёрова, правда, до сих пор не знаю, был ли он участником Собрания или просто выполнял свою журналистскую работу. По итогам Собрания он опубликовал в «Молодом коммунаре» статью-отчёт под названием «Кто Вы, поэт 2000-го года?» (газета «Молодой коммунар №43 (6834) от 12 апреля 1988 года).

Тогда, в 1988-ом году, 2000-й год казался таким далёким, и никто не мог предположить даже на каком переломе окажутся и страна, и поэзия. И, конечно, сам Сергей никак не мог предположить и знать, что 2000-й год станет его личной трагедией, когда в пожаре погибнет его любимая женщина. Бывшая его жена Оля Подъёмщикова. Наша молодая талантливая тульская поэтесса. Именно ей он когда-то посвятил одно из лучших своих любовных стихотворений:

* * *

Оле

Ты как всегда идёшь, как будто под тобою
стеклянная земля, прозрачная до дна,
и спутаны цветы внутри её с травой,
и тихая звезда внутри её видна.

А я всю жизнь бреду, как будто по болоту,
не поднимая ног, подошвами гребя,
я проживу и так — куда мне до полёта! —
я крепко на земле. Мне страшно за тебя.

И вот в 2001 году на презентации посмертной книги Ольги Подъёмщиковой «...Явись мне отблеском мгновенным» (а презентация проводилось в Туле, в Заречье, на втором этаже Толстовского издательского центра) он по моей просьбе прочитал это стихотворение.

До сих пор эта яркая картина стоит перед глазами, это незабываемо: человек с лицом, похожим на руины, как говорила о нём ещё, если не ошибаюсь, сама Ольга, читает с нежностью нежнейшие стихи, обессмертившие его любимую. Казалось даже, что он вот-вот заплачет, но не заплакал...

И ни тогда, в 1988-ом, ни теперь, в 2001-ом, никто не знал, да и он сам не знал и даже предположить не мог, что жить ему в 2000-х остаётся совсем чуть-чуть. Не знал и не предполагал, конечно — но всё равно, видимо, как и Ольга Подъёмщикова, во многих своих стихах предчувствовал раннюю и скорую смерть:

* * *

«... Можно я ещё малость побуду?
Мне вот-вот запоют отовсюду
птицы: ржанка, зарянка, овсянка...»
А судьба убирает посуду,
как к полуночи официантка.

«...Вы поймите: как солнышко скатит —
что-то тёмное за сердце схватит,
вот и жмёшься к чужому застолью...»
А судьба уже сдёрнула скатерть,
сея на пол просыпанной солью.

«... Всё вернётся: надежда и сила —
лишь бы солнце взошло, прокосило
мне дорожку во тьме и тумане...»
А судьба уже свет погасила,
загремела ключами в кармане...

И кто знает, может быть, он и прожил в 2000-х эти трудные годы, чтобы тогда, на презентации книги Ольги, прочитать свои чудные великолепные стихи, посвящённые ей — и не заплакать...

6.

И ещё хочу вспомнить о двух наших, как и всегда, случайных встречах: в Тульском отделении Союза писателей России на Каминского и потом на Проспекте: возле магазина «Букинист», который в Туле, мне кажется, знают все. Первая случилась в 2000-м, либо в начале 2001-го года, но точно во временной отрезок после выхода писательского сборника «Иван-озеро», где были напечатаны три стихотворения Белозёрова, и до презентации книги Ольги Подъёмщиковой, о которой я только что рассказывал.

С одним из них, этих стихотворений, напечатанных тогда в «Иван-озеро», «Можно я ещё малость побуду...» (как раз с тем, что вы только что прочитали чуть выше), я уже тогда был знаком и даже знал его наизусть. Так оно мне нравилось. И знал вовсе не по писательскому сборнику (где, кстати, вместо «за сердце схватит» почему-то стоит «за душу схватит»: непонятно, чья это правка), а значительно раньше: впервые я увидел его в газете «Тульские известия» 10 июня 1998 года, в день Пятидесятилетия Сергея Белозёрова.

Хорошо помню, что, когда я вошёл в наш Союз писателей, где за столом сидел Ответственный секретарь Тульского отделения Виктор Фёдорович Пахомов, а у окна на кресле Сергей Белозёров — то мы поздоровались и пожали друг другу руки. До этого дня я не был знаком с Сергеем лично, хотя, конечно, хорошо знал его в лицо. И теперь вот, видно, настала пора нам познакомиться.

Пахомов спросил: «Знаешь, кто это?» Я ответил: «Конечно. Ну, кто же в Туле не знает Сергея Алексеевича?». Ответил именно так, назвав Белозёрова по имени-отчеству. Помню, как встрепенулся Сергей, видно, давно не избалованный вниманием.

Разговор у них с Пахомовым, насколько я понял, шёл о приёме Сергея Белозёрова в Союз писателей. Наверно, поэтому Пахомов спросил меня, дам ли я Сергею рекомендацию на приём. «Вообще-то, — улыбнулся я, — скорее Сергей по всему должен был бы давать мне такую рекомендацию. Всё-таки он старше. Но коль в жизни порой складывается всё так странно, то, разумеется, я даже почту для себя за честь помочь Сергею. Так что никаких сомнений!...»

Но главное препятствие состояло в том, что у Сергея ещё не вышла новая книга. А по той, первой, 1989 года — давать рекомендацию, как считал Виктор Фёдорович, уже вроде бы поздно. Так у нас, дескать, в Союзе писателей не принято: нужна свежая книга. Поэтому решили, что дождёмся этой новой книги Сергея Белозёрова, и тогда я напишу ему рекомендацию в Союз писателей России, потому что хорошо знаю его творчество и по газетным публикациям, и по его первой книге «Словарь далей». А то, что знаю, я ещё косвенно подтвердил и тем, что когда попросил Сергея прочитать моё любимое «Можно я ещё малость

побуду...» — и Сергей, читая, иногда в некоторых местах приостанавливался, то я пытался продолжить, помогая ему...

Потом и ещё довольно долго все вместе разговаривали. Но из всего, о чём говорилось, больше всего запомнилось, что Сергей сказал, как он мечтает быть «старым русским поэтом». Что он вкладывал в это понятие: какой-то особый статус, уважение молодёжи к поэтической седине, может быть?

Как бы там ни было, «старым» поэтом он так и не стал, как, впрочем, и очень многие поэты моего поколения. В 52 года умер лидер нашего послевоенного поэтического поколения Николай Дмитриев, в 54 года умер Сергей Белозёров. И наши ровесники, замечательные тульские поэты Владимир Суворов и Николай Завалишин, умерли тоже где-то близко к этому возрасту, едва переступив его. Думаю, что этот трагический список можно множить и множить, приплюсовав к нему, как минимум, Петра Митрохина из Новомосковска, а также и Софью Киселёву, в 50 лет пропавшую без вести и, как оказалось потом, убитую из-за квартиры.

Но почему так рано ушли они — самые лучшие, самые талантливые мои ровесники, элита молодой тульской поэзии последних десятилетий Советского Союза? И почему именно в этот временной отрезок 50 с небольшим лет? Какая-то мистика, загадка...

А может быть, и нет никакой загадки — и всё ровно так, как я написал в своём стихотворении «Памяти Николая Дмитриева»?

Что стало с поколением моим,
С поэтами разрушенной державы?
Они уходят, словно стыдно им, —
Ещё стройны, красивы, моложавы.

Ещё виски их даже не седы,
Ещё... И вдруг! И в трауре портреты.
О, это знак, жестокий знак беды,
Когда уходят лучшие поэты...

7.

В последний раз при его жизни я встретил Сергея Белозёрова вместе с Николаем Завалишиным зимой или весной (помню, что было очень скользко) на Проспекте возле известного в Туле книжного магазина «Букинист». Ребята хотели выпить, но, увы, как всегда не хватало на это. Коля Завалишин на правах

старого знакомого часто у меня занимал. Он и вёл разговор на этот раз. А Сергей молчал — и за всё это время не проронил ни слова.

Денег в долг не было. Чтобы как-то смягчить отказ и к тому же, хотя бы косвенно, напомнить Сергею о данном ему обещании насчёт рекомендации в Союз писателей (и, самое главное, о его долгожданной новой книге!) — я ответил Николаю Завалишину, что денег в этот раз дать не могу, но вот рекомендацию в Союз писателей дам и ему непременно. Нужно только, чтобы новая книга вышла и у него...

Кажется, ребята особенно и не расстроились. А через несколько дней кто-то из моих знакомых рассказал мне, как он их выручил деньгами в тот же день и почти на том же месте...

Что касается новой книги, то несколько позднее Николай Завалишин, повстречавшийся мне уже на улице Первомайской, недалеко от своего дома, радостно сообщил, что новая его книга вот-вот выйдет в пединститутском издательстве.

Увы, новых книг этих замечательных поэтов Тула так и не дождалась, так и не увидела...

8.

Хоронили мы Сергея Белозёрова, провожая его в последний путь прямо из морга, что в Туле в Заречье на улице Дрейера.

Странно как устроена человеческая память: на прощании с Сергеем Белозёровым больше всех запомнился Алексей Дрыгас, тоже наш молодой тульский поэт, работавший одно время, кажется, как и Белозёров, заместителем редактора «Молодого коммунара». Мы с Алексеем были знакомы давно, ещё по молодёжному литературному объединению «Поиск», которым более 20-ти лет руководил поэт Сергей Иванович Галкин. Поэтому я и называю Алексея нашим молодым поэтом.

Дрыгас пришёл к моргу очень рано, одним из первых — и каждого из нас, и меня тоже, он встречал так эмоционально, так радостно! Обнимаясь и целуясь, бросаясь, как говорится, на шею. Что было с ним? Что он чувствовал тогда, придя проститься с Сергеем? Неужели смерть Сергея так подействовала на него, что он особенно остро ощутил неповторимую ценность и безусловную незаменимость каждого из нас, его друзей, товарищей и просто коллег?

И неужели для этого — для того, чтобы разбудить наши, замученные и замороженные бытом, очерстневшие сердца — нужно было, чтобы навсегда и безвозвратно покинул эту землю мастер-стихотворец и несомненный для нас

обоих с Алексеем (как собственно, думаю, и для всех, чувствующих настоящую поэзию) поэтический авторитет, наш общий духовный брат, Сергей Белозёров?..

Ах, если бы знать всё наперёд! Но тогда, в момент встречи с Алексеем Дрыгасом, всего лишь, как обычно протягивая ему руку для рукопожатия, никто из нас, обескураженных его неожиданной порывистой нежностью и стеснительно уклоняющихся от объятий, не мог и предположить, что и самому ему, Алексею, оставалось всего ничего до рокового шага из окна...

Тульские газеты на смерть Сергея Белозёрова откликнулись своими некрологами. Я не критик и не исследователь творчества Сергея Белозёрова, но эти некрологи, написанные его товарищами-журналистами, эти горькие воспоминания о нём, у меня почему-то сохранились.

Теперь вот понимаю почему — и хочу, чтобы и вы прочитали их сегодня. И чтобы вновь поклонились памяти замечательного тульского русского поэта Сергея Алексеевича Белозёрова, в чьей трудной поэтической судьбе каждый из нас, поэтов послевоенного поколения, может увидеть, узнать и почувствовать что-то близкое, выстраданное, родное. Каждый из нас: кто-то — в большей, а кто-то — в меньшей степени. Отчего на сердце и горечь, и гордость, и любовь, и обида...

И ещё ощущение, вместе с драгоценной неповторимостью жизни, невозможности ничего исправить: ни в самой жизни, ни в творчестве. И, тем не менее — всегда такая нежность, что хочется и плакать, и писать стихи!..

9.

Но я не заплачу. Нет, я не заплачу, как и он, Сергей, тогда на презентации книги его любимой, его «ласоньки», превратившейся в огонь, дым и пепел. Потому что нельзя (и Сергей тогда, думаю, хорошо понимал это) плакать на глазах у огромной аудитории почитателей настоящего русского Слова. На глазах у твоих соратников, и у молодёжи, несмотря ни на что, идущей за тобой и твоими соратниками, пытающейся, как и ты, пестовать это Слово. Это же ведь означает, и на глазах у России, у твоего Отечества с его «категорическим императивом»!

Нет, я не заплачу! И даже, более того, как и Сергей Белозёров в его замечательном стихотворении «Председатель», попрошу: «Ты не плачь обо мне, Отечество...». Не надо, не плачь о нас. Мы из послевоенного поколения: мы — дети фронтовиков, мы — внуки фронтовиков. Мы русские поэты, а это значит: мы — фронтовики по определению!

Интуитивно чувствуя это и раньше, мы вовсе не акцентировали на этом наше внимание: это было для нас нормальным, естественным. Столь же естественным, как дышать. И столь же естественно это чувство, наполнявшее

наши сердца, переливалось в наши произведения. И мы никогда не думали, что придёт время перевёртышей, время «пира глупых», и нам придётся вести настоящий бой, чтобы защищать не только право на наше творчество, но и саму нашу Победу и наших фронтовиков. Да так, именно так я сегодня это ощущаю! И потому нам не к лицу, нам нельзя плакать! И ты не плачь — не подавай примера.

Плакать нельзя, а вот писать стихи — можно. И даже нужно! Просто необходимо — потому что мы поэты. И потому, что ты, бесценное Отечество, завещанное нам отцами, дедами, Великой Победой и всей твоей Великой Историей — всегда с нами, всегда в сердце. Ты — наше вдохновение! Ибо сказано выше Сергеем Белозёровым: «Слышать бы только диктовку Отечества...».

И мы — слышим!

В ЭПОХУ НЕЖНОСТИ

Новостей дырой озоновой
Выжгло душу — еле выжила:
Нет Серёжи Белозёрова,
Нету Коли Завалишина.

Вместе мы рвались в Поэзию,
Пацаны послевоенные,
Плавя гордости агрессию —
В нежность, в строчки откровенные.

Нам не пели трубы медные,
Но гордиться хватит повода,
Коль страны плоды победные
Утоляют чувство голода.

Да и что нам, небалованным:
Мало той отцовской гордости?
Жить бы Музой расцелованным —
Вечно жить в счастливом возрасте!

Но коль хочешь
Мир — соцветием
Рифм пленять, из сердца выданным, —

Уж, увы, ни долголетием
 Не отметишься,
 Ни «Избранным»...

Верю я: в Эпоху Нежности
 Бредящий литературою
 Следопыт — найдёт подснежники
 Строк, не сгинувших под Тулою, —

И поймёт, что беспризорная,
 Может, нежность бы не выжила —
 Без Серёжи Белозёрова
 И без Коли Завалишина...

Валерий Савостьянов

10.

А закончить мою статью о Сергее Белозёрове, я думаю, лучше всего будет несколькими фотографиями и ксерокопиями того главного, весомого и вещественного, о чём говорилось в статье. Это книга Сергея Белозёрова «Словарь далее», книга Ольги Подъёмщиковой «...Явись мне отблеском мгновенным», поздравление Сергею в связи с его Пятидесятилетием в газете «Тульские известия» и два писательских сборника «Иван-озеро» со стихами Сергея Белозёрова. Ну и, конечно, обещанные выше некрологи в тульских газетах и подборка стихотворений «Из неопубликованного» в газете «Тула» от 20 ноября 2002 года с предисловием Юрия Кириленко (на 9 дней со дня смерти).

Я знаю, что ко всему этому очень удачно приложатся ещё и недавние публикации Андреем Коровиным стихотворных подборок Сергея Белозёрова в журналах «Сибирские огни» и «Новый мир» со вступительными статьями к этим подборкам.

Да будет так! Светлая память Поэту!

Тула.

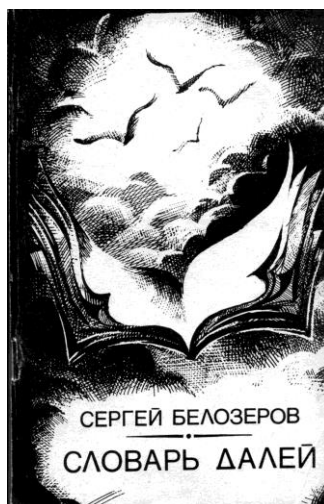
Июнь 2013 года. 65-тилетие поэта Сергея Белозёрова.

Валерий Савостьянов,
 поэт, член Союза писателей России

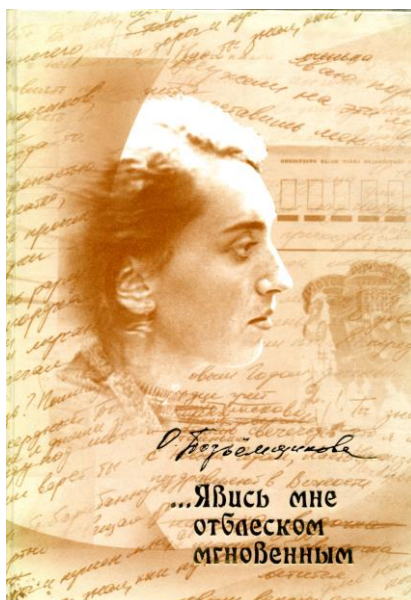
11.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

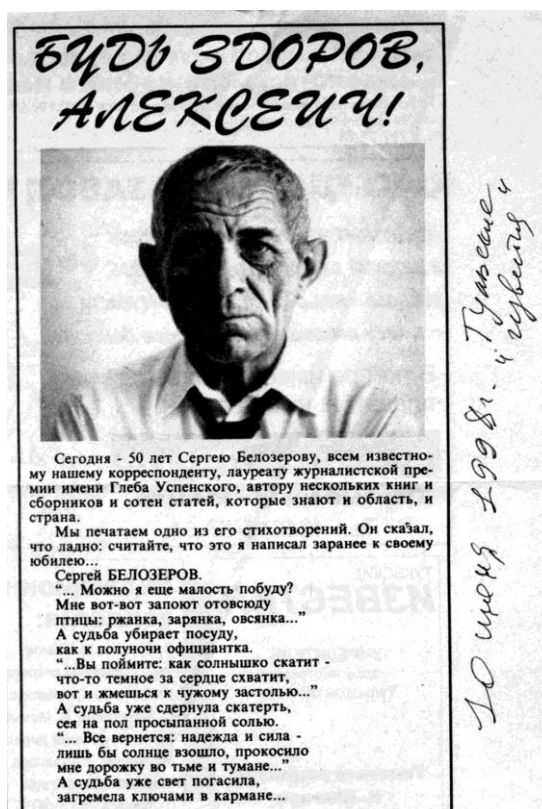
книги, газетные вырезки, некрологи, стихи и предисловие к стихам



Сергей Белозёров. СЛОВАРЬ ДАЛЕЙ: Стихи. — Тула: Приокское книжное издательство, 1989. — 71 с. Тираж 2000 экз.



Ольга Подъёмщикова. ...ЯВИСЬ МНЕ ОТБЛЕСКОМ МГНОВЕННЫМ: Стихи. / Составление, подготовка текста и примечания А.Ю. Коровина и Ю.В.Архангельской // Вступительная статья Андрея Лучникова. — Тула: Тульский полиграфист, 2001. — 396 с. Тираж 500 экз.



ТЕКСТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ СЕРГЕЮ БЕЛОЗЁРОВУ С ЕГО 50-ЛЕТИЕМ. —
Газета «Тулские известия» от 10 июня 1998 года

БУДЬ ЗДОРОВ, АЛЕКСЕИЧ!

Сегодня — 50 лет Сергею Белозёрову, всем известному нашему корреспонденту, лауреату журналистской премии имени Глеба Успенского, автору нескольких книг и сборников и сотен статей, которые знают и область, и страна. Мы печатаем одно из его стихотворений. Он сказал, что ладно: считайте, что это я написал заранее к своему юбилею...

Сергей БЕЛОЗЁРОВ

«... Можно я ещё малость побуду?

Мне вот-вот запоют отовсюду

птицы: ржанка, зарянка, овсянка...»

А судьба убирает посуду,

как к полуночи официантка.

«...Вы поймите: как солнышко скатит —

что-то тёмное за сердце схватит,

вот и жмётся к чужому застолью...»

А судьба уже сдёрнула скатерть,

сея на пол просыпанной солью.

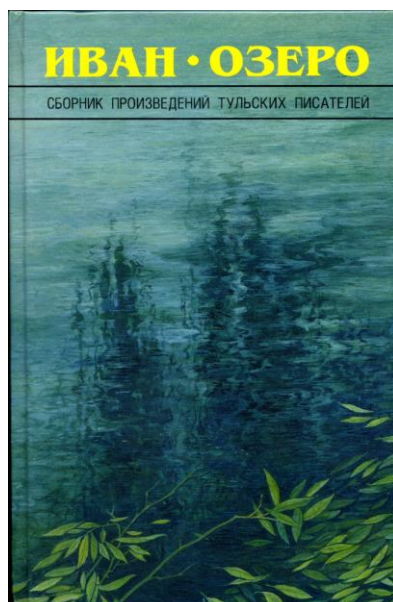
«... Всё вернётся: надежда и сила —

лишь бы солнце взошло, прокосило

мне дорожку во тьме и тумане...»

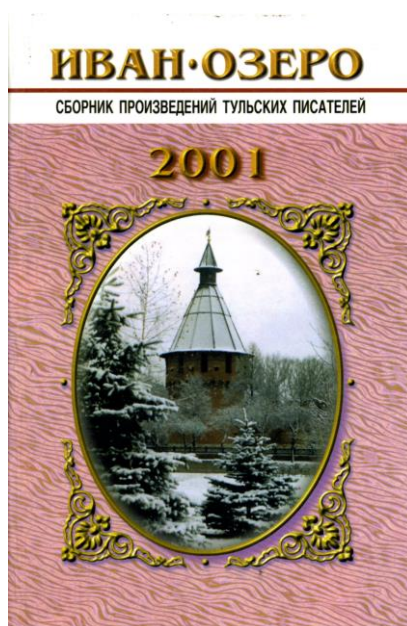
А судьба уже свет погасила,

загремела ключами в кармане...



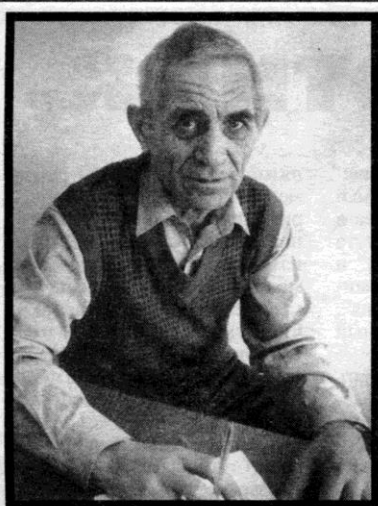
Сергей Белозёров. ПОДБОРКА СТИХОТВОРЕНИЙ: «Можно я ещё малость побуду?..», «Рубаху разорвал, и бросил в лужу шапку...», «Это кто мне свистит? Чей там чёрный лукавый зрачок?..». — Стр. 200-201.

ИВАН – ОЗЕРО: Сборник произведений тульских поэтов и прозаиков / Сост. В.Ф.Пахомов. — Тула: Издательский Дом «Пересвет», 2000. — 206 с., илл. Тираж 1000 экз.



Сергей Белозёров. ПОДБОРКА СТИХОТВОРЕНИЙ: «Сильнее тление, чем пение...», «Россия, спасибо...», «Не хотел я быть перед веком ответчиком...», Памяти Высоцкого. — Стр. 149-152.

ИВАН – ОЗЕРО: Сборник произведений тульских поэтов и прозаиков / Сост. В.Ф.Пахомов. — Тула: Издательский Дом «Пересвет», 2001. — 271 с., илл. Тираж 500 экз.



Памяти коллеги

Умер Сережа

Смерть — это всегда удар, коварный и беспощадный. Смерть Сергея Белозерова — удар и для друзей, и для врагов. Да, даже враги его уважали. За то, что всегда был честен, никогда не отступал от своих убеждений.

Когда началась межнациональная резня в Приднестровье, он поехал туда, чтобы увидеть и самому разобраться, что творится. Из этой командировки он возвратился с тяжелым ранением головы. Но прежде чем лечь в больницу, надиктовал материал "Плацдарм в Кочиерах". Этот документальный рассказ журналиста не устарел и сейчас. Он — против бессмысленных войн, вражды и крови.

Та рана, полученная в Молдавии, мучила его до конца жизни. За неделю до смерти говорил: "Ходить не могу. Ноги отказывают. Это от той командировки в Приднестровье..."

...Его травили, причиняли мелкие пакости. И ничего не смогли сделать. Он продолжал писать. После первого сборника стихов "Словарь далей", который разошелся мгновенно, подготовил новый сборник. Мечтал его опубликовать. Не получилось. И мы не помогли.

Прости, Поэт.

Константин ШЕСТАКОВ.

"Он ходил в литературных кумирах..."

...Сергей Белозеров был старше ее (Ольги Подъемшиковой — *Ред.*) почти на тринадцать лет. В пору ее учебы в институте он ходил в литературных кумирах, его имя было окутано романтическим ореолом, стихи переписывались от руки, а студенты пели песни на его стихи. ... Любовь вспыхнула внезапно. Вопреки воле родителей она решила связать с ним свою судьбу. (...) "Это, конечно, авантюризм — так строить жизнь, как я. Но я счастлива, что нужна ему. Этот человек стоит того, чтобы жить хотя бы ради него..."

(...) "Надежда русской поэзии!" — писала о нем "Литературка", но печатать — не печатала. Только начавшаяся в Москве журналистская карьера окончилась творческой неустойчивостью, отсутствием заработка, личными неурядицами. ... Логичным продолжением тогдашних взаимоотношений власти с неудобными поэтами стало судебное преследование. И когда Сергея Белозерова в 1983 году сослали в трехлетнюю ссылку на станцию Зима Ир-

кутской области, Ольга, которая уже ждала ребенка, последовала за мужем. "Последняя декабристка" — прозвали ее потом. Как ссыльного, Белозерова не брали на приличную работу — место ссыльных было в кочегарке. (...)

(...) Немаловажную роль в формировании Ольги и как журналиста, и как поэта, безусловно, сыграл Сергей Белозеров. Будучи намного старше и опытней, он был ее первым читателем, критиком и своего рода наставником. Ольга же, в свою очередь, со всей пылкостью и энергией молодости (которая всегда отличала ее, когда она боролась не за свои интересы) взялась пробивать в печать его стихи. И когда в 1989 году в Приокском книжном издательстве вышел в свет сборник стихов Сергея Белозерова "Словарь далей", она радовалась его успеху, как своему. (...)

Андрей ЛУЧНИКОВ.

(Из сборника стихотворений Ольги Подъемшиковой "...Явись мне отблеском мгновенным").

ТЕКСТЫ НЕКРОЛОГОВ:

Памяти коллеги. — Газета «Молодой Коммунар»

Умер Серёжа

Смерть — это всегда удар, коварный и беспощадный. Смерть Сергея Белозерова — удар и для друзей, и для врагов. Да, даже враги его уважали. За то, что всегда был честен, никогда не отступал от своих убеждений.

Когда началась межнациональная резня в Приднестровье, он поехал туда, чтобы увидеть и самому разобраться, что творится. Из этой командировки он возвратился с тяжелым ранением головы. Но прежде чем лечь в больницу, надиктовал материал "Плацдарм в Кочиерах". Этот документальный рассказ журналиста не устарел и сейчас. Он — против бессмысленных войн, вражды и крови.

Та рана, полученная в Молдавии, мучила его до конца жизни. За неделю до смерти говорил: "Ходить не могу. Ноги отказывают. Это от той командировки в Приднестровье..."

...Его травили, причиняли мелкие пакости. И ничего не смогли сделать. Он продолжал писать. После первого сборника стихов "Словарь далее", который разошёлся мгновенно, подготовил новый сборник. Мечтал его опубликовать. Не получилось. И мы не помогли.

Прости, Поэт.

Константин ШЕСТАКОВ.

«Он ходил в литературных кумирах...»

...Сергей Белозёров был старше её (Ольги Подъемщиковой — *Ред.*) почти на тринадцать лет. В пору её учебы в институте он ходил в литературных кумирах, его имя было окутано романтическим ореолом, стихи переписывались от руки, а студенты пели песни на его стихи... Любовь вспыхнула внезапно. Вопреки воле родителей она решила связать с ним свою судьбу. (...) "Это, конечно, авантюризм — так строить жизнь, как я. Но я счастлива, что нужна ему. Этот человек стоит того, чтобы жить хотя бы ради него..."

(...) "Надежда русской поэзии!" — писала о нем "Литературка", но печатать — не печатала. Только начавшаяся в Москве журналистская карьера окончилась творческой не востребоваанностью, отсутствием заработков, личными неурядицами... Логичным продолжением тогдашних взаимоотношений власти с неугодными поэтами стало судебное преследование. И когда Сергея Белозерова в 1983 году сослали в трёхлетнюю ссылку на станцию Зима Иркутской области, Ольга, которая уже ждала ребенка, последовала за мужем. "Последняя декабристка" — прозвали её потом. Как ссыльного, Белозёрова не брали на приличную работу — место ссыльных было в кочегарке. (...)

(...) Немаловажную роль в формировании Ольги и как журналиста, и как поэта, безусловно, сыграл Сергей Белозёров. Будучи намного старше и опытней, он был её первым читателем, критиком и своего рода наставником. Ольга же, в свою очередь, со всей пылкостью и энергией молодости (которая всегда отличала её, когда она боролась не за свои интересы) взялась пробивать в печать его стихи. И когда в 1989 году в Приокском книжном издательстве вышел в свет сборник стихов Сергея Белозерова "Словарь далее", она радовалась его успеху, как своему. (...)

Андрей ЛУЧНИКОВ.

(Из сборника стихотворений Ольги Подъемщиковой "...Явись мне отблеском мгновенным").

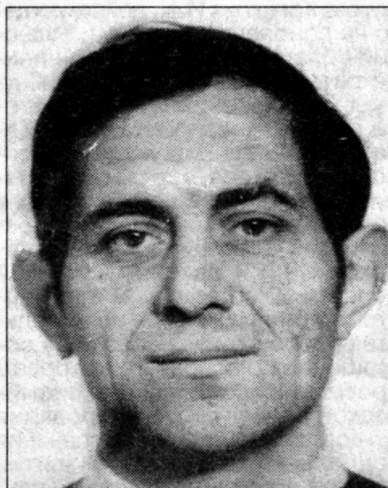
№ 256 14 ноября 2002 года

Памяти товарища

Сергей Алексеевич БЕЛОЗЕРОВ

Умер Сережа Белозеров. Поэт, журналист, горький пьяница, необъятный настоящий талант, беззлобный необременительный человек. Самый большой грех за ним – взять командировку в редакции – в “Коммунаре”, в “Комсомолке”, в “Молодом коммунаре”, в “Тульских известиях” – и исчезнуть надолго, пока опять не припрет нужда и опять не понесет его в какую-нибудь “контору” – так в Туле всю жизнь журналисты называют свои редакции. А так как он был настоящим интеллигентом и в долгах щепетил, то являлся обязательно с материалом – последний лежит у меня до сих пор на столе. Публикации не подлежит – даже Сережин громадный талант сдался к 54 годам, 35 из которых, как минимум, он давил, глушил, сжигал, уничтожал в себе поэтический дар Божий – и умер, когда сжег дотла.

“Хочу, - как-то говорит, - по грибы. Так хочу, что снится”. Поехал с приятелем в Дубенский район, грибов пропасть! “Погоди, - говорит приятелю Сережа, - не режь, смотри, какая красота!” Достали бутылочку, как водится, и любовались грибами за разговором, пока душа не насытилась и красотой леса, и выпивкой, и поэзией, и пока не решили всех мировых проблем. Ушли из леса без грибов, все оставили как было.



Он и жил так – не курочил природу и людей, отдавал всего себя любимым женщинам и любимым друзьям, учил журналистике молодых, писал в газеты “гвоздевые” материалы, писал прекрасные стихи... Ему все всегда давали деньги – если в долг, возвращал, если дарили, брал, как у родни. Он и был всемогущим.

Он бы не простил, если бы вослед ему прозвучали наши – его журналистской братии – лживые о нем, припудренные и подслащенные слова.

Он умер 12 ноября в пять часов утра, сидел на диванчике, пел песни с друзьями, откинул голову – и отлетел в небытие с недокуренной “Примой”, с недопетой песней...

По поручению журналистов “Тульских известий”

Тамара ПУЗАНОВА.

Вынос тела 15 ноября в 13 час. 30 мин. по адресу: г. Тула, ул. Дрейера, 1.

ТЕКСТ НЕКРОЛОГА:

Памяти товарища. — Тульские известия № 256 от 14 ноября 2002 года

Сергей Алексеевич БЕЛОЗЁРОВ

Умер Серёжа Белозёров. Поэт, журналист, горький пьяница, необъятный настоящий талант, беззлобный необременительный человек. Самый большой грех за ним — взять командировку в редакции — в "Коммунаре", в "Комсомолке", в "Молодом коммунаре", в "Тульских известиях" — и исчезнуть надолго, пока опять не припрёт нужда и опять не понесёт его в какую-нибудь "контору" — так в Туле всю жизнь журналисты называют свои редакции. А так как он был настоящим интеллигентом и в долгах щепетилен, то являлся обязательно с материалом — последний лежит у меня до сих пор на столе. Публикации не подлежит — даже Сережин громадный талант сдался к 54 годам, 35 из которых, как минимум, он давил, глушил, сжигал, уничтожал в себе поэтический дар Божий — и умер, когда сжёг дотла.

"Хочу, — как-то говорит, — по грибы. Так хочу, что снится". Поехал с приятелем в Дубенский район, грибов пропасть! "Погоди, — говорит приятелю Серёжа, — не режь, смотри, какая красота!" Достали бутылочку, как водится, и любовались грибами за разговором, пока душа не насытилась и красотой леса, и выпивкой, и поэзией, и пока не решили всех мировых проблем. Ушли из леса без грибов, всё оставили как было.

Он и жил так — не курочил природу и людей, отдавал всего себя любимым женщинам и любимым друзьям, учил журналистике молодых, писал в газеты "гвоздевые" материалы, писал прекрасные стихи... Ему все всегда давали деньги — если в долг, возвращал, если дарили, брал, как у родни. Он и был всем родня.

Он бы не простил, если бы вослед ему прозвучали наши — его журналистской братии — лживые о нём, припудренные и подслащенные слова.

Он умер 12 ноября в пять часов утра, сидел на диванчике, пел песни с друзьями, откинул голову — и отлетел в небытие с недокуренной "Примой", с недопетой песней ...

По поручению журналистов "Тульских известий"

Тамара ПУЗАНОВА

Вынос тела 15 ноября в 13 час. 30 мин. по адресу: г. Тула, ул. Дрейера, 1.

ПАМЯТИ ДРУГА

Фото Андрея ЛЫЖЕНКОВА



Тула

20 ноября 2002 года

7

Девять дней

Ушел Серега Белозеров. Серега – так звали его собраты по перу. Серега, чьи яркие репортажи и очерки из глубинки всегда ждали читатели. Вечный зам. Станный человек с отрицательным обаянием. Настоящий русский, по-настоящему любящий Россию, с болью и состраданием. Русский поэт, уважающий язык, слово.

Он воспитал не одно поколение тульских журналистов. Многие из нас помнят его суровые уроки – как надо писать, и вычеркивать, и бросать лишнее в корзину. В то время, когда журналистика была подцензурной, он учил нас быть честными. В своей вечной кожанке он был для нас комиссаром, в самом высоком смысле этого слова. Он учил нас писать. Он учил нас жить. Он учил нас пить. Но никогда алкоголь не мог отбить у него чувство слова. "Школа Белозерова" – это звучало сильно.

Говорят, надо родиться в свое время. Серега родился и жил в свое время. А теперь его школа ушла. Ушли уроки Белозерова. Ушел Серега.

Лучшее его произведение – Ольга Подъемщикова. Его друг, его жена, которой он передал жар своего сердца, секреты журналистского мастерства. Это была большая любовь двух больших и сильных людей, двух Журналистов с большой буквы, двух Поэтов. Не сложилось... Наверное, потому, что оба были слишком яркими... Он остался один. Она жила своей жизнью. Умерла их дочь Анечка. Горевитавшее над ними черной птицей, отметило их своей печалью. Оно звучит в его стихах, в ее стихах. Два года назад ушла Ольга. Теперь – он. Погасли две звезды, два удивительных человека.

Светлая память...

Юрий КИРИЛЕНКО.

Сергей БЕЛОЗЕРОВ

Из неопубликованного

Накаты жары – как движение
душной волны:
вдохнул – и ныряешь, а там,
у крыльца, где затишек,
когтями, хвостами цепляясь
за выступ стены,
крадется к дверям виноград, точно
стая зеленых мартышек.

Не стану пугать эту дерзкую банду
юноцов,
я здесь постою, у калитки, пускай
через силу –
а вдруг они дверь распахнут,
вдруг я встречу глазами с отцом,
и он мне простит, что не ездил к нему
на могилу...

Ночью очнулся от смертного сна –
передо мною стояла жена,
та, что во мне умерла. И она
серая, в сером тумане парила,
там растворяясь. И проговорила:
- Ты безнадежен. Ты выпей вина.

Вновь я уснул и очнулся от сна.
Мертвая мама, совсем молодая,
праздничным платьем своим
расцветая,
встала в проеме дверном, как весна.

Что ж ты испуганно, мама,
взянула?
Женскую сумку свою растегнула,
вытерла щеки от слез и шепнула:
- Как ты измучился...
Выпей вина...

И отвернулась. И вновь – пелена,
мутная ночь безнадежно пьяна
и вспоминает все то, чем богата...
валит мне в очи все то, чем богата...
Больше не надо! Мне больше
не надо!

Снова упал я и снова восстал:
юная женщина, дальний вокзал...
Все, что связал я и что развязал...
Нет, не хотел я сказать, что сказал,
пробормотал среди смертного сна:
- Жизнь безнадежна, и прочного
дня

нет у Вселенной.
Дайте вина.

Не возвращайся из ссылки, Овидий!
Ну, что ты с обидой
пишешь мне письма?
Здесь нет воспитательных
мидий

Понта Эвксинского,
и не найти винограда
слаще, чем тот,
что растет на горе
Митридата.

Помнишь ли, сколько малины
внепланово нам выдавала
под Сортавалой, бывало,
деляночка лесоповала?
Где б ты еще
пешедрала дошел
до Байкала,
или с конвоем вкусил Иссук-Куля
и выслушал речь аксакала?

Публий Овидий Назон!
Не метафоры –
метаморфозы
Скифии суть.
Так воспой ее ад и морозы,
и осознай свою жизнь
преходящей, но все же
нетленной,
за Ойкуменой,
но все же цепляясь за обод
Вселенной!

Бесплатное образование –
тем, у которых нет призвания.

А мы последнее потратили
на книжки, сборники стихов,
чтоб к нам пришли преподаватели
Самойлов, Слуцкий, Сменяков.

Как славы нам и как добра желать,
мы изучали по ночам,
потом пришлось еще доплачивать,
но так, судьбой, по мелочам.

Заплатишь – и не надо мучиться,
и весело держись за гуж
уроков музыки и мужества,
они рифмуются к тому ж.

БАЛЛАДА О БОРИСЕ СЛУЦКОМ

Вся из каприза, как актриса,
судьба у Слуцкого Бориса,
судьба российского поэта
имеет кредо: больше бреда!

В стенах изысканного вуза,
в ИФЛИ, где встренная муза
лобзала в дни великой чистки
своих питомцев – были читки:
Самойлов, Коган и Кульничкин
то ликовали всей страной,
то грезили про рай земной,
то бредили большой войной

с Борисом вместе. Кто бы знал бы,
что завтра грянет Страшный суд,
что в воскресенье грянут залпы

и в ключья судьбы разнесут.

И Слуцкий – а чего бояться? –
веселый, стройный, непреклонный
проходит от Москвы до Граца,
до самой Австрии зеленой,
хлебнув кровавого вина –
зато какие ордена
ему навесила война!
И в мач пела, влюблена
в него, как женщина, страна.

Но изменились времена.

А он все думал: если драка,
то надо ввязываться в бой,
топтать Бориса Пастернака
и четко резать: "свой - не свой"...

Прозрение пришло позднее,
и Слуцкий увидал, трезвея,
как можно честным низко пасть,
что все великие идеи,
как ресторанные халдеи,
обслуживают только власть.

Не мог он утонуть в стакане,
подобно коням в океане –
тем, о которых он писал.
Он замолчал, как мертвый зал,
где долго пели и плясали,
потом ушли – и в черном зале
стоит тупая тишина.

Осталась с ним одна война,
страшна, как верная жена.

Прервав молчанье лет проклятых
уже в конце шестидесятых,
он вскоре снова онемел,
отрессая от идей и дел
и, отказавшись рифмовать,
опять на годы лег в кровать,

отсутствуя, лицом к стене,
спиной к стране, душой к войне.

Туда, где было все святое:
окопы, братство молодое,
горбушка хлеба, вши и грязь.

О, там он был как юный князь!

А ныне в Туле и Москве
он тихо умирал в тоске.

К нему участливые лица
склонялись даже в психбольницах,
встревожены, удивлены –

но разве можно излечиться,
но разве можно отрешиться
от той войны, от той войны...

ДЕРЕВНЯ БЕЛИЦА

Пекли мы воронят в лесу –
мне доставались ножки,
и пескари считали попасть ко мне
за честь,
бывало по полторбы мороженой
картошки
я с поля приволакивал, тошнотников
поест!

Хорошего, короче, бывало в детстве
много,
и даже председатель катал меня
в седле!

Но вот Василь Красевич
отстегивает ногу,
и в хате как-то сразу становится
светлей...

Вся в коже лакированной, в стальной
блестящей сбуре,
и дерево, как леденец, медовое
насквозь...
Да я б отдал одну свою, а надо –
и другую,
чтобы такую вот иметь!
Увы, не довелось.

Василь Красевич умер.
Протез лежит в курятнике,
загаженный, замызганный.

Ну, что, мои сограждане, соратники
и ратники,
хоть рюмку с хлебом выставим?
А может, на хрена?

И Мишка, младший сын его, в отряде
космонавтов
зазря лет десять гробился, на пенсии
теперь,
речушку осушители сделали канавой,
из леса изуродованного ушел
последний зверь.

Родную Могилевщину, названию
согласно,
угробил взрыв чернобыльский
весенним тихим днем,
но это – дело прошлое,
зачем рыдать напрасно,
двадцатый век закончили!

С чего теперь начнем?
Публикацию подготовил
Андрей КОРОВИН.

Благодарим за помощь, поддержку и сочувствие коллективы
редакций газет "Молодой коммунар" и "Тула", ГТРК "Тула".
Родные и близкие Сергея Белозерова.

**ТЕКСТ ПРЕДИСЛОВИЯ ЮРИЯ КИРИЛЕНКО
«ПАМЯТИ ДРУГА» (НА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ)
К ПОСМЕРТНОЙ ПОДБОРКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ СЕРГЕЯ
БЕЛОЗЁРОВА «ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО»:
Газета «Тула» от 20 ноября 2002 года**

Ушёл Серега Белозёров. Серёга — так звали его собраты по перу. Серёга, чьи яркие репортажи и очерки из глубинки всегда ждали читатели. Вечный зам. Станный человек с отрицательным обаянием. Настоящий русский, по-настоящему любящий Россию, с болью и состраданием. Русский поэт, уважающий язык, слово.

Он воспитал не одно поколение тульских журналистов. Многие из нас помнят его суровые уроки — как надо писать, и вычеркивать, и бросать лишнее в корзину. В то время, когда журналистика была подцензурной, он учил нас быть честными.

В своей вечной кожанке он был для нас комиссаром, в самом высоком смысле этого слова. Он учил нас писать. Он учил нас жить. Он учил нас пить. Но никогда алкоголь не мог отбить у него чувство слова. "Школа Белозёрова" — это звучало сильно.

Говорят, надо родиться в своё время. Серёга родился и жил в свое время. А теперь его школа ушла. Ушли уроки Белозёрова. Ушёл Серёга.

Лучшее его произведение — Ольга Подъёмщикова. Его друг, его жена, которой он передал жар своего сердца, секреты журналистского мастерства. Это была большая любовь двух больших и сильных людей, двух Журналистов с большой буквы, двух Поэтов. Не сложилось... Наверное, потому, что оба были слишком яркими... Он остался один. Она жила своей жизнью. Умерла их дочь Анечка. Горе, витавшее над ними чёрной птицей, отметило их своей печатью. Оно звучит в его стихах, в её стихах. Два года назад ушла Ольга. Теперь — он. Погасли две звезды, два удивительных человека.

Светлая память...

Юрий КИРИЛЕНКО

**СТИХОТВОРЕНИЯ, ВОШЕДШИЕ В ПОДБОРКУ
«ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО»**

«Накаты жары — как движение душевной волны...»

«Ночью очнулся от смертного сна...»

«Не возвращайся из ссылки, Овидий!...»

«Бесплатное образование...»

Баллада о Борисе Слуцком

Деревня Белица